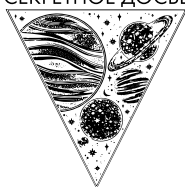

СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ

ЦИКЛ «СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ. МИСТИЧЕСКИЕ РОМАНЫ»

ТАЙНА ЗАБРОШЕННОЙ ДЕРЕВНИ
ТИШИНА СТАРОГО КЛАДБИЩА
ХОЗЯИН ГИБЛОГО МЕСТА
ПРОКЛЯТИЕ ПРАЖСКОЙ СИНАГОГИ
ГАЛЕРЕЯ ПОСЛЕДНИХ ПОРТРЕТОВ
ГОРОД МЕРТВЫХ ОТРАЖЕНИЙ
МЕСТЬ КРОВАВОГО ЖНЕЦА
ГОРОД ЗАСЫПАЕТ, ПРОСЫПАЕТСЯ МАФИЯ
ПРИЗРАКИ БЕЛЫХ НОЧЕЙ
ХОЛОД ТУМАННОГО ЗАМКА
ДОМ БЕЗЛИКИХ ТЕНЕЙ
ДОРОГА НЕСБЫВШИХСЯ СНОВ
ИЛЛЮЗИИ ЧИСТОГО ХОЛСТА

ЦИКЛ «СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ. НОВЫЕ СТРАНИЦЫ»

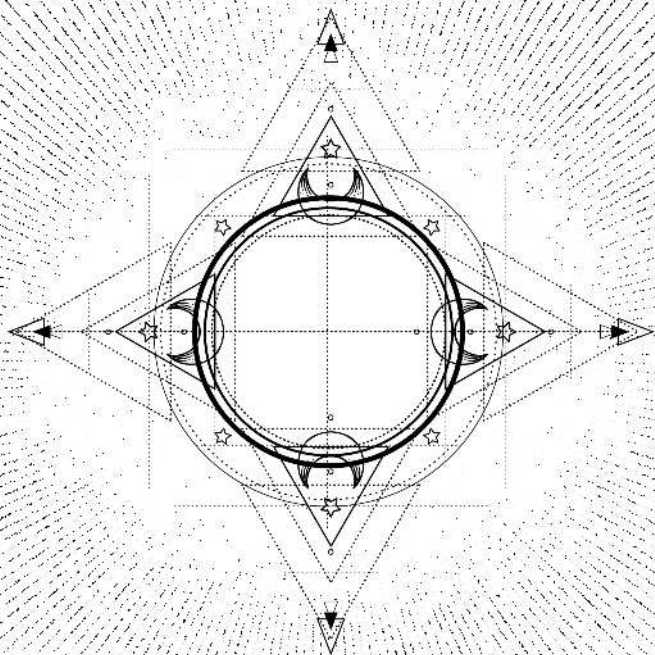
СОТКАННАЯ ИЗ ТУМАНА
ЧУДОВИЩ.NET

ЦИКЛ «СЕКРЕТНОЕ ДОСЬЕ. ИКС-ФАЙЛЫ»

ИСЧЕЗАЮЩИЕ В ТЕМНОТЕ
ИСЧЕЗАЮЩИЕ В ТЕМНОТЕ. ДАР

Наталья Тимошенко

**ИСЧЕЗАЮЩИЕ
В ТЕМНОТЕ.
ДАР**

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т41

Художественное оформление серии
Константина Гусарева

В оформлении обложки использована иллюстрация:
© Slava Gerj / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Тимошенко, Наталья Васильевна.

Т41 Исчезающие в темноте. Дар / Наталья Тимошенко. — Москва : Эксмо, 2019. — 416 с.

ISBN 978-5-04-103545-7

После закрытия магического салона прошло четыре года. Остались в прошлом воскрешения, колдуны и видения. Однако череда страшных событий заставляет Марка Гронского вернуться в мир призраков и вспомнить, зачем и при каких обстоятельствах ему был дан дар. Духи предупреждают об опасности, но кто-то более могущественный запрещает им общаться с медиумом. Кто он и что ему нужно от маленькой дочери Гронских, Гретхен, которая с рождения не произнесла ни слова, но которой, кажется, доступно больше, чем обычному человеку?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тимошенко Н., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103545-7

Глава 1

18.. год

С тех пор как мать схватилась за огромный живот и со стоном упала на диван, а отец засуетился, забегал вокруг нее, не зная, что сделать, прошло почти три дня. На свет готовился появиться уже пятый ребенок в большой семье, а он каждый раз терялся, как будто это впервые. Тогда еще никто не знал, что снегом занесет всю деревню, а роженице понадобится помощь, потому за доктором не послали.

Снег же не прекращался ни на минуту. Черная толстая туча, накрывшая деревню три дня назад, остановилась, зависла низко над землей и не собиралась никуда уходить. Сугробы намело такие, что приходилось откапывать дверь снаружи, чтобы выйти из дома. Снег залепил окна, кое-где добрался до крыш и заползал на них. В дымоходах завывал ветер, жалуясь на тяжкую долю и рождая в душах людей самые мрачные мысли. Крестьяне толпились у печей, а в большом доме помещика без конца жгли свечи, чтобы было хоть что-то видно.

День смешался с ночью.

Поначалу из спальни, куда отнесли мать, слышались душераздирающие крики, от которых холодели

руки и страх огромными волнами бежал по спине, но и они вскоре затихли. Со вчерашнего вечера из спальни доносились только бормотания повитухи да тревожный шепот слуг.

Вызвать доктора теперь было невозможно, поскольку дороги замело так, что никакая лошадь по ним пройти не могла. Утром отец все же распорядился послать за доктором конюха пешком, но тот до сих пор не вернулся. Его жена плакала на кухне, жаловалась кухарке.

— Что мне теперь делать? — спрашивала она, вытирая лицо грязным передником.

— Не плачь заранее, — не слишком уверенно утешала ее кухарка Матрена. — Может, вернется еще твой Степан. А если не вернется, барин не бросит.

— Поначалу, может, и не бросит, а потом? Шесть ртов в хате, младшему еще и года нет, да и старший дитя совсем, не справится с хозяйством. Как мне одной их кормить?

Матрена месила тесто для пшеничных лепешек и не знала, что на это ответить.

— А все из-за нее, ведьмы, — вдруг зло сказала жена конюха, — даже умереть по-человечески не может.

— Тише ты! — зашипела кухарка, бросая тесто и с ужасом глядя на собеседницу. — Что ты говоришь такое?

— То и говорю! Все знают, что барыня — ведьма. Оттого и умереть не может. Ведьмы не умирают, пока дар свой проклятый не передадут. Я слышала, как повитуха говорила, что ребенок помер уже, а она все мучается.

— И все равно молчи, — посоветовала ей Матрена, снова принимаясь за тесто. — Вдруг услышит кто?

— А мне все равно. Если Степан не вернется, то и нам всем до могилы недалеко. И пометим мы быстрее барыни, уж поверь. Так что пусть слышат!

Однако слышать несчастную женщину было некому, кроме сидевшей за печью Лизы. Старших детей еще накануне увели наверх и не разрешали спускаться, говоря, что маменьке нужен покой, только на нее, тихо сидящую в углу с тряпичной куклой, никто не обращал внимания. На нее вообще редко обращали внимание, считая, что все равно ничего не поймет, а потому и не стеснялись говорить при ней разные вещи.

Получив от Матрены свежее испеченную лепешку, Лиза подхватила куклу и быстро-быстро засемила в ту часть дома, где находились родительские покои. Если во всем доме стояла мертвая, оглушающая тишина, сквозь которую так хорошо слышались плач и стоны ветра, то там еще теплилась жизнь. Из спальни, где сначала пыталась родить, а теперь умереть мать, иногда выходили толстые тетеньки в перепачканных кровью одеждах, выносили тазы с окрашенной в алый цвет водой и возвращались уже с чистой. Лиза знала, что колодец тоже замело и для того, чтобы добыть воду, топили снег в огромных котлах прямо в печи.

Лиза спряталась за тяжелый шифоньер, чтобы никто не заметил ее, и откусила лепешку. Идти наверх, к остальным детям, она не хотела. Те не любили ее, а она была равнодушна к ним. Уж лучше остаться здесь, слушать, что говорят взрослые, да тихо жевать лепешку.

— А что толку от того доктора? — сказала одна из двух женщин, которые в очередной раз выносили из комнаты таз с кровавой водой. — Ребенок-то лег поперек, и все, не выйдет теперь. В городе, говорят, разрезать могли бы живот да достать, но теперь и это

поздно. Помер он еще вчера, теперь травит барыню ядом своим.

— Она уже и не стонет почти, — кивнула вторая женщина, гораздо более молодая, но такая же толстая и неопрятная. — Исповедаться бы ей теперь.

— Батюшка не придет, ты же знаешь, — перебила ее первая.

И Лизе вдруг показалось, что этот разговор имеет какое-то отношение к тому, что говорили женщины на кухне. Она только не понимала, почему не может прийти батюшка? Ведь небольшая церквушка есть прямо в деревне, через четыре дома, а батюшка живет при ней. Какой бы ни был снег, а дойти оттуда могла бы даже она.

— А ты что здесь делаешь? — вдруг раздалось над самой головой у Лизы, заставив ее испуганно вздрогнуть.

Она сразу узнала голос отца. Подняла голову и встретила с его взглядом, спрятавшимся под насупившимися косматыми бровями. Отец выглядел уставшим, под глазами залегли огромные тени, а рот недовольно скривился. Он никогда не бил Лизу, но та все равно его боялась, видя, как он наказывает розгами старших братьев. Вот и сейчас она сжалась в комок, прижимая к себе куклу и недоеденную лепешку. Но вместо того чтобы выгнать ее из-за шифоньера, отец выпрямился и поискал кого-то взглядом.

— Авдотья! — позвал он, и Лиза догадалась, что где-то мимо как раз проходила няня. — Почему Лиза здесь, а не наверху, с остальными детьми?

Послышались тяжелые, шаркающие шаги, заскрипели деревянные половицы под немалым весом няни, а затем раздался и ее голос:

— Да разве ж за ней уследишь, Андрей Митрич? Мелкая она, егоза. Никакой дверью не удержишь, ни под каким замком не спрячешь.

— Отведи ее наверх и следи внимательнее, — приказал отец.

Две сильные руки подхватили Лизу под мышки и вытянули из-за шифоньера. Лиза зажмурилась от ужаса, но ничего страшного не последовало. Авдотья не успела даже шагу сделать, как из комнаты, где лежала больная, послышался ее слабый голос:

— Андрей, кто там? Кто-то из детей?

В коридоре повисла тишина, заставившая Лизу от любопытства открыть глаза. Отец и няня смотрели друг на друга, и няня почему-то отрицательно качала головой, глядя на отца с мольбой. На лице того не дрогнул ни один мускул, только косматые брови сошлись на переносице, как будто он о чем-то думал.

— Это Лиза, — громко сказал он. — Авдотья сейчас отнесет ее наверх. Больше она тебя не побеспокоит.

— Нет... — едва слышно раздалось из спальни. — Я хочу увидеть ее. Пусть мне принесут ее попрощаться.

— Андрей Митрич, нет! — зашептала няня, и у Лизы от ее шепота сжалось сердце в тревожном предчувствии.

— Авдотья, отнеси Лизу в комнату к матери, — приказал отец, и голос у него при этом стал как будто чужой.

— Андрей Митрич... — снова взмолилась няня.

— Мы не можем отказать в просьбе умирающей.

Няня все еще медлила. Тогда отец наклонился к ней близко-близко, так что Лиза почувствовала запах пота, табака и еще каких-то трав.

— Разве вам всем плохо жилось? Разве Машенька хоть кого-то обижала? Ругала? Может быть, била?

Няня еще сильнее покачала головой, словно боялась, что барин заподозрит ее в плохом отношении к хозяйке. Седые волосы заметались из стороны в сторону так быстро, что Лиза испугалась, как бы голова и вовсе не отлетела.

— Что вы, Андрей Митрич...

— Тогда почему ты отказываешь ей в просьбе? Почему боишься ее? У нас всегда всего было в достатке. Когда соседи страдали от неурожая, наши амбары ломились от зерна. Когда их заливало по весне, наши поля высыхали с первыми лучами солнца. Скот приносит много потомства, крестьяне здоровее некоторых соседских господ. Маша никогда не отказывала вам в просьбах, помогала, чем могла. — Отец выпрямился и закончил уже своим обычным голосом: — Отнеси Лизу попрощаться с матерью.

— Но ведь ей всего пятый годок... — предприняла последнюю попытку няня.

— Лучше она, чем кто-то другой, — отстраненно заметил отец.

Лиза поняла эту фразу лишь много лет спустя, а пока просто сильнее вцепилась пальцами в няню. Та кивнула и, не глядя больше ни на отца, ни на саму Лизу, шагнула в комнату. Поставив девочку на пол, она чуть подтолкнула ее в спину.

— Иди, Лиза, обними маменьку.

Лиза застыла в той же позе, в какой ее поставили на пол. Большая спальня пропахла травами, которыми пахло и от отца, а еще чем-то терпким, неприятным, от чего хотелось закрыть нос руками и дышать ртом. Мать лежала посреди смятой постели, опершись спи-

ной на подушки, и выглядела очень бледной. Влажные волосы ее липли к лицу, а глаза как будто провалились в череп. Лизе даже на мгновение показалось, что в ней совсем не осталось крови. Не зря же женщины уже два дня выносили ее в тазах. Окровавленная простыня прикрывала большой живот, и Лиза знала, что в нем лежит мертвый ребенок.

В головах у матери сидела молодая девушка. Лиза видела ее впервые и совершенно точно знала, что она не из их поместья. Одетая гостья была хорошо, в темно-бордовое бархатное платье и такого же цвета перчатки и сапожки. Рыжие, почти красные волосы ее были собраны в замысловатую прическу и украшены сверкающими в пламени свечей бусинами. И сами волосы как будто тоже сверкали огнем, переливались и мерцали. Лиза замерла, разглядывая их. Казалось, что незнакомка приехала сюда прямо с бала, вот-вот махнет веером и зазвучит веселая музыка. Выйдут из тени кавалеры, пригласят на танец дам, раздастся смех и звон бокалов. Сама Лиза никогда такого не видела, но мать часто рассказывала о балах и танцах, когда была еще здорова.

Мать протянула к Лизе руки и улыбнулась, а затем повернулась к хлопочущим чуть в стороне женщинам.

— Оставьте нас.

Те послушно вышли из комнаты, бросая на Лизу испуганные взгляды, и закрыли за собой дверь. Остались только мать, Лиза и незнакомая девушка.

— Дитя мое, иди ко мне.

Лиза несмело приблизилась к матери, чувствуя все нарастающую внутри непонятную тревогу. И когда руки матери уже почти дотянулись до нее, незнакомка вдруг поднялась с кровати и встала между ними. Лиза

не видела больше лица матери, но слышала, как тяжело она вздохнула.

Девушка тем временем наклонилась к Лизе и взяла в ладони ее лицо. От ее рук щекам было так тепло и мягко, словно она прижалась к маленькому котенку, которых каждый год приносит пушистая трехцветная кошка во дворе. Лиза даже глаза закрыла от удовольствия, представляя, как маленькие комочки мурчат и перебирают лапками, чуть-чуть царапая кожу острыми коготками. Но затем, разбивая видение, лба коснулось что-то холодное, гораздо холоднее снега. Лиза открыла глаза и закричала, но некому было услышать ее и прийти на помощь. Поцеловав ее в лоб, девушка отстранилась и улыбнулась ей. Лизу все еще трясло от холода, и теплые руки неизвестной гостьи больше не грели. Девушка отпустила ее и бесшумно скрылась за дверь, а Лиза так и осталась стоять, глядя на постель, где лежала, откинувшись на подушки, мать и невидящим взглядом смотрела в потолок. Теперь она была так же мертва, как и неродившийся ребенок в ее животе.

Глава 2

Наши дни

К концу третьего дня бесконечных походов по рождественским ярмаркам и прогулок по празднично украшенным улицам и площадям Рита выдохлась настолько, что всерьез рассматривала вариант завтра сказать больно́й и остаться в отеле. Просто чтобы спокойно полежать в тишине, почитать книжку или полистать сайты в Интернете. Не есть бесконечные

сладоcти, от которых уже тошнит, не покупать вторую сотню елочных игрушек, которые уже некуда девать, и — самое главное — не ходить. Ей казалось, что ноги скоро просто-напросто отвалятся.

Они приехали в Вену три дня назад: она, Марк, бабушка и Соня. Бабушка, которой в следующем году стукнет восемьдесят, не могла больше путешествовать одна, хоть и отчаянно храбрилась, уверяя Риту, что справится самостоятельно, если у них есть какие-то планы. Нарушать восстановившуюся после многолетнего перерыва традицию ездить в декабре к дорогой подруге в любимый город она не хотела. Бригитта Шульц, подруга бабушки, была старше ее самой, а потому, по их собственным уверениям, каждая встреча могла стать последней. В этом году бабуля часто болела и иногда жаловалась на сердце, поэтому отпустить ее одну было бы верхом неразумности. Немного посоветовавшись, Марк и Рита решили тоже поехать в Вену. Работа Марка не требовала ежедневного посещения офиса, Рита находилась в декретном отпуске, поскольку Соне еще не исполнилось трех лет, а потому они вполне могли позволить себе маленькое путешествие.

Фрау Шульц и Вера Никифоровна предпочитали ходить по театрам и концертам, выбираясь на рождественские ярмарки лишь к вечеру и перемежая их посещением бесконечных венских кофеен, предоставляя возможность «молодежи гулять самим, не оглядываясь на двух старых развалин». Бабуля, всю жизнь преподававшая немецкий язык, знала его в совершенстве, в то время как Рита и Марк не были способны оценить и вообще понять оперное пение на чужом языке. Хотя Рита всю жизнь прожила с бабушкой и немец-

кий учила с первого класса, а Марк происходил из семьи, болезненно гордящейся своими немецкими корнями, этот язык так и не стал им достаточно близким.

Если Рита еще понимала, что привлекает в ярмарках трехлетнего ребенка, тоннами лопающего сладости и не слезающего с многочисленных каруселей, то как может бесконечно ходить по ним человек, не расстающийся с тростью, она представляла плохо. Видела, как Марк по вечерам почти горстью глотает обезболивающие таблетки, которые обычно не употребляет принципиально, а утром снова встает раньше всех и требует идти гулять.

— Я просто никогда раньше не был на рождественских ярмарках в Вене, представляешь? — усмехнулся он, когда Рита спросила об этом по дороге на очередную площадь.

Сегодня они отправились на небольшую ярмарку в западном районе города, поскольку именно здесь бабушка и фрау Шульц наслаждались очередным театральным представлением.

— В других городах был, в Вене был в другое время года, а вот ярмарки и Вена никогда не совпадали. А это, оказывается, весьма завораживающее зрелище. — Марк скосил на нее глаза и улыбнулся шире. — Ты устала, что ли? Хочешь остаться завтра в отеле?

— По крайней мере, выйти из него ближе к вечеру точно не откажусь, — честно призналась Рита, чувствуя, как при каждом шаге боль от ступней поднимается к коленям, плотно охватывает голени и как будто стягивает с них кожу. Она не привыкла столько ходить.

— Гретхен, — Марк посмотрел на сидящую у него на руках девочку, — твоя мать выдохлась на третьем круге. Мы победили, как я и говорил.

Соня беззвучно рассмеялась, заставив улыбнуться и Риту, хоть она пыталась напустить на себя обиженный вид. Эти двое всегда находили общий язык и строили козни против нее. Детские, смешные, нелепые, но всегда совместные. Если бы кто-то сказал Рите четыре года назад, когда она только познакомилась с Марком, что этот язвительный, циничный, немного хамоватый, но такой обаятельный медиум, который не может нормально ходить после тяжелой аварии и разговаривает с призраками после нее же, станет лучшим в мире отцом, она бы ни за что в жизни не поверила. Впрочем, иногда ей казалось, что все дело в необычности их ребенка. Возможно, если бы Соня была самой обыкновенной девочкой, Марк не проявлял бы к ней столько интереса.

— Ладно, — смилостивился Марк. — Завтра отдыхай, мы с Гретхен сами погуляем. Сноваходим на Ратушную площадь. Если прийти пораньше, то в кафе напротив ярмарки можно занять столик у самого окна. Оттуда открывается прекрасный вид. Я как раз хотел сделать несколько набросков. Гретхен тоже рисует, правда? — Он снова вопросительно посмотрел на дочь, и та активно закивала головой.

Она пошла в отца-художника не только внешне, получив светлые волосы и карие глаза, но и любовью к рисованию. О таланте говорить было рано, хоть Марк и утверждал, что он у нее определенно есть, но, по крайней мере, желание бесконечно пачкать карандашами и красками альбомные листы, а иногда и стены, у нее точно было. Пару месяцев назад Марк записал ее в художественный кружок, и она оставляла далеко позади даже детей постарше.

Они гуляли по ярмарке до самого вечера, наслаждаясь горячим вином со специями, запах которого